СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Культура. – 1996. – 9 нояб. – С. 12.

Звезды не хмурятся, они сияют

Владимир ЭУФЕР

Так случилось, что уже со школьной скамьи привлеченный театром, я купил и прочел одну из первых серьезных театральных своих книг – "Вахтангов и его студия". Сама судьба вложила мне в руки и в сердце, быть может, самые магически волшебные страницы в истории русской сцены – историю Вахтанговского театра.

И вот в Ленинграде, где началась моя сознательная жизнь, а с ней и театральное безумие, – гастроли вахтанговцев, и я навсегда покоряюсь ослепительно-веселой "Принцессе Турандот", философическому "Егору Булычову", ликующе-романтической "Интервенции". Обо всех этих спектаклях написано множество книг и статей, но, быть может, я сумею сказать и что-то свое. Свое – это ощущение веселого счастья, звонкой радости, "шампанского" очарования, какими бы серьезными, подчас трагедийными, ни были спектакли этого театра. Веселый Театр, театр оптимистического мировосприятия, театр веселых мастеров – таким вижу я любимый свой театр. Что и говорить о "Принцессе Турандот", где Б.Щукин был Тартальей, а Р.Симонов – Труффальдино. Сколько было в них наивной шутливости, позволяющей преодолеть линию рампы. Но и весомо-политический спектакль о Егоре Булычове был в первую очередь веселым. Мы помним все, но самые сокровенные воспоминания о тех сценах, где Щукин–Булычов в озорной пляске, несовместимой со всеми социальными характеристиками горьковского образа, наступал на игуменью Меланью. Поначалу зал замирал от неожиданности, а затем смеялся, смеялся потому, что именно в эту минуту торжествовала Комедия гротеска, как понимал ее Вахтангов, вроде бы несовместимое в жизни совмещалось в искусстве. Мы повторяем и повторяем интонации, ужимки, жесты гротескно-фанатической убийцы Токарчук – М.Ремезовой, самоуверенно растерянной мадам Ксидиас – М.Синельниковой с ее шлягерной репликой, обращенной к сыну, стремящемуся в революцию: "Женя, штуки!", Фильки-анархиста – И.Рапопорта о его крылатым – "Вы просите песен – их есть у меня!" ("Интервенция"). И вроде все было серьезным. И революция, и подполье, и мужественные большевики, а зрители смеялись, и вместе со смехом росли их духовные силы.

Прошли годы. Я учусь в Государственном институте театрального искусства и снова и снова смотрю спектакли вахтанговцев – пленительную "Соломенную шляпку", "Мадемуазель Нитуш". Как мало еще сказано о несовместимости этих райских птиц нашей сцены с трудной военно-послевоенной жизнью, где словно рифмовались и реальная тоска потерь, и постановления ЦК об отставании театрального репертуара от запросов театрального зрителя. И именно эта несовместимость, этот вечный вахтанговский контрапункт и делали театр Вахтангова неповторимым, праздничным, дарящим наслаждение.

Фото Г. РОВИНСКОГО

Ректор Училища им. Б. Щукина В. Этуш и художественный руководитель театра М. Ульянов

И завязываются теперь уже близкие знакомства. Я часто вижу у арбатских своих друзей Рубена Николаевича Симонова. Он проходит с гитарой, в безупречном черном костюме, на котором особенно выделяется ослепительный пластрон белой рубашки с прорезающей ее острой молнией бабочки. Он поет романсы, читает Пушкина, он весел, он артист, а настоящий артист, как писал в своих пьесах Островский, оживляет, просветляет общество, поднимает самый жалкий быт до поэзии. В нашей компании и молодой Евгений Симонов, как и отец, он немыслимо элегантен, артистичен. Рядом и другие молодые вахтанговцы – Владимир Этуш, Владимир Шлезингер, они переполнены радостью бытия, их шумные дуэты, каскад их блистательных шуток, розыгрыши, подражания – все, что потом будет называться роскошной эстрадой, "звездами", – все это уже было в нашем милом свободном закулисье.

Они и отдыхали театрально, вахтанговские артисты. Зимняя Руза, актер Николай Гриценко – морж. Он идет окунаться в ледяную прорубь. Со свитой отдыхающих появляется Николай Олимпиевич, одетый в тяжелую шубу, валенки, ушанку и еще какие-то меха и меха, платки и платки. Звучит сыгранный на губах знаменитый "турандотовский" вальс. Наконец, прорубь. Медленно, словно театральные костюмы, снимаются теплые одежды. Большим пальцем босой ноги Гриценко трогает ледяную воду, и "пожар" мимики на актерском лице. Нет, никогда, но действие продолжается. Вот уже Гриценко окунулся, а затем такой же медленный выход и царственное одевание и откуда-то взявшийся поднос с рюмкой коньяка, и аплодисменты зрителей – целый театр, Театр Гриценко...

И непременные вахтанговские капустники. Мы мало о них знаем, сосредоточившись, главным образом, на "Летучей" большой мхатовской "Мыши". Но поверьте, это было целое море подлинной театральности, веселого озорства, по-своему взрывающего мнимое благополучие, в общем-то благополучного, любимого правительством театра. И Новые года, встречаемые, по традиции, обязательно вместе, всей труппой, в театральном фойе, им не хотелось расходиться, вахтанговцам, остававшимся всегда еще и влюбленной друг в друга веселой студией, собранной самим Евгением Богратионовичем.

Фото Н. САМОЙЛОВА

"Без вины виноватые" Коршикина – Л. Максакова, Дудукин – Ю. Яковлев

Мы выходили из театра в кино и видели на экранах прелестную Л.Целиковскую с неправдоподобным опахалом подлинных "турандотовских" ресниц, с ее милой улыбкой и кошачьей манкостью – нашу Мерилин Монро. Мы видели серьезного А.Горюнова в ролях каких-то серых советских директоров, умевшего вдруг так ослепительно улыбнуться, так затянуть какую-нибудь песенку, так иронически посмотреть на высокого собеседника, что и кинозал падал от хохота, что и сам сценарий взрывался тайной своей неправдой. Да, М.Ульянов будет еще прекрасно играть царей и военачальников, но он же станет и одной из веселых масок в восстановленной "Принцессе Турандот", и он же в каком-то забытом теперь спектакле так станцует танго, что "шарнирные" его ноги расскажут и о глухой провинции, и о темной маленькой жизни. И красавица Л.Максакова, не боясь испортить свой драматический "имидж", словно на арене цирка, так сыграла когда-то в водевиле старуху, что поняли – нет четких амплуа, есть веселые таланты. А совсем недавно на одной из церемоний вручения почетного актерского приза Ю.Борисова от полноты чувств не сказала речь, но сделала на сцене кульбит, который и не снился многим и многим начинающим.

Вахтанговские все это приспособления, вахтанговское весеннее ликование посреди любой зимы, постоянный пир во время любой чумы, пушкинское сливается здесь с вахтанговским.

И эта театральность Театра имени Вахтангова органически переходила в Школу имени Щукина. Студенческие вечера, самодеятельные показы, капустники, розыгрыши, анекдоты-реплики, ну к примеру: "Андрей Миронов. Профессия – артист. Национальность – Менакер" – так представляли однажды выпускников. Учились в Щукинском лицее дети Юрия Яковлева – "поблагодарите меня за то, что я так обильно осеменил училище", – невозмутимо сообщил артист со школьной сцены.

Негласно, но живет в училище традиция – принимать на актерский факультет красивых молодых людей. Ведь и правда, в человеке все должно быть красиво, как говорил еще Чехов, а в актере тем более. Почему же и не видеть зрителям красоту и венец ее – красоту женскую. А какой поистине блистательный ее парад, все движется и движется перед восхищенным взором на вахтанговской сцене, в Щукинском училище.

И юбилеи вахтанговские справляются, как никогда и нигде – неповторимые красные гвоздики, любимые Евгением Богратионовичем, собственные сценарии, словечки, мгновенно облетающие Москву, осторожно обволакивающие звуки турандотовского вальса и импровизация, импровизация. Так, на юбилее М.Ульянова пели сочиненный Е.Симоновым текст на мотив популярного марша о летчиках – "все Миша, и Миша, и Миша". И всюду, где появляется на юбилейных торжествах ректор училища В.Этуш с какой-нибудь юной студенткой-очаровательницей, уже ждут блеска, юмора, "поздравительного" таланта. И все выходят и выходят на сцену всегда молодые вахтанговские ученики А.Ширвиндт и М.Державин, чьи юмористические дуэты так и не знают равных. И все удивляет и удивляет страну "гуттаперчевый" К.Райкин, выученик нашей школы, соединенной с генами гениального А.Райкина, и все смотрят и смотрят киношлягер "Кавказская пленница", где В.Этуш, чуть ли не впервые, комически и трагедийно придвинул к нам лицо "кавказской национальности".

А немолодым все вспоминается и вспоминается. "Мои зять, все кончено, и свадьбе не бывать" – рефрен из "Соломенной шляпки", маленькая ручка в белой лайковой перчатке, открывающая занавес одного из первых наших европейских спектаклей "Мадемуазель Нитуш".

...Но ведь воспоминания – это бесконечная кинолента, а бумага – всего лишь страницы, надо заканчивать. И кончу я так – милые друзья мои вахтанговцы! Вашему театру, нашему училищу не идут печаль, озабоченность, драма, конфликтные ситуации, расстроенные лица, закрытые двери, погашенный свет. Конечно, есть и заботы, и трудности. Но победить должно Веселье – на ваших лицах, в ваших ролях, в вашем общении с публикой. Ведь звезды не хмурятся, они сияют. Есть сегодня у вахтанговцев поистине веселые спектакли – "Без вины виноватые" и "Пиковая дама". Именно в них слышатся "веселое имя Пушкин", великий жизнелюбец Островский.

Так улыбнемся же еще раз друг другу и людям, и снова в путь, который потом для кого-нибудь опять станет веселыми и сладостными воспоминаниями.